

Решение выступить вместе приняли спонтанно, так что субботний день обе группы провели на репетиционной базе, спешно сыграваясь и притираясь друг к другу.

На этот раз четверка сорванцов из «Планеты» наконец осознала всю серьезность положения. Оставив попытки затмить коллег, парни вели себя на удивление смирно и покладисто.

У «Кенгуру» имелся собственный авторский материал.

А значит, Джеймсу и его парням предстояло в спешном порядке разучивать чужой репертуар.

Правда, стоило делу дойти до разбора материала, как Джеймс с Лансом в один голос наотрез отказались от нотных листов.

Первый лишь недавно взялся за нотную грамоту и читал с листа с грехом пополам — не хотел ударить в грязь лицом перед австралийцами. Второй же попросту презирал эти каракули, высокомерно полагая, что его таланту костыли не нужны.

Впрочем, на скорости освоения это никак не сказалось.

Джеймсу хватало пары прогонов, чтобы практически безупречно разложить вокальную партию. Никакие тональные скачки и заковыристые переходы не могли сбить его с толку — природа наградила парня поистине золотым голосом.

Гитара Ланса звучала сочно, дерзко и на редкость самобытно. Временами он пускался в мимолетные импровизации, и пара-тройка небрежно брошенных им аккордов заставляла австралийцев застывать с разинутыми ртами.

Непринужденность, с которой держался этот пока еще не ограненный бриллиант — будущий звездный дуэт «Планеты», — произвела на участников «Кенгуру» неизгладимое впечатление.

Столь очевидный, поцелованный самим Богом талант лишил соло-гитариста австралийцев всякого покоя.

— Сегодня я наконец понял, — со смесью жгучей зависти и восхищения признался он вокалисту «Кенгуру», Джошу. — Ноты — это костыли для серостей вроде меня. Истинным гениям плевать на эти рамки, они просто берут и играют. Поют как дышат.

Джош расхохотался, сгреб своего гитариста в охапку и, шутливо чмокнув его в лоб, великодушно утешил:

— Да ладно тебе. Зато я рядом — будем завидовать вместе.

Джеймс заворуженно, с искренним изумлением наблюдал за этой картиной.

А затем чисто машинально покосился на собственного гитариста.

Ланс упредил его ледяным прищуром.

— Даже не думай!

— Никаких обнимашек и поцелуев, — отрезал он тоном, не терпящим возражений. — Терпеть не могу эти телячьи нежности. Наша дружба до такого маразма не опустится.

— Да я вообще-то промолчал, — пробормотал Джеймс.

— У тебя все на лбу написано, — парировал Ланс.

Джеймс озадаченно коснулся щеки, словно пытаясь нащупать там свои мысли.

Ланс мученически закатил глаза и отвернулся, пряча невольную улыбку.

Субботний концерт прошел как по маслу.

Зарыв топор войны, обе группы рубились на сцене плечом к плечу. Конечно, без скрытого соперничества не обошлось — каждый втайне пытался утереть нос коллегам, — но это лишь подстегивало музыкантов выкладываться на все сто. В итоге они подарили клубу ночь чистейшего, первоклассного безумия.

Болдуин сел за установку на двух треках; Тео отыграл три песни на басу, а в одной даже перехватил ритм-гитару; Ланс встал плечом к плечу с соло-гитаристом «Кенгуру» и не выпускал инструмент из рук до самого финала. Джеймс же выдал с Джошем два мощных дуэта и одну песню исполнил сольно.

Толпа внизу буквально сходила с ума от восторга. Клуб содрогался от визга и рева, а танцпол превратился в сплошное живое море, бурлившее до самого утра.

Господин Дуайт наконец-то смог перевести дух — угроза остаться без штанов и пустить клуб с молотка миновала.

Музыка, черт бы ее побрал, воистину творит чудеса.

Она с легкостью сводит людей из разных стран, стирая неловкость и превращая вчерашних соперников в закадычных друзей.

И здесь нельзя не упомянуть Джоша — фронтмена «Кенгуру», с которым у парней из «Планеты» сложились самые теплые отношения.

Высокий, поджарый и весьма недурной собой, он так и лучился обаянием, а с его лица почти никогда не сходила широкая, обезоруживающая улыбка.

Джош отличался редким великодушием и житейской зрелостью, снисходительно взирая на мальчишеские заскоки и амбиции молодых британцев.

На репетициях он выказал себя самым дружелюбным. Даже то возмутительное выступление «Планеты» на разогреве он не стал поминать лихом, а напротив — несколько раз искренне похвалил ребят, признав, что шоу вышло чертовски эффектным.

Возможно, сказывалась солидарность у микрофонной стойки, но Джош чаще других заводил разговоры именно с Джеймсом. Он не скупился на советы: щедро делился секретами сценического мастерства и раскрывал тонкости вокальной техники.

Как-то раз за чашкой чая он обмолвился, что в юности был бегуном-стайером, но со временем понял, что его душа лежит к танцам. Так он и пришел в рок-музыку.

Что за дикая каша?

В этой «Кенгуру» что, вообще петь некому было?

Будь они все еще на ножах, Джеймс непременно отпустил бы какую-нибудь ядовитую шпильку в своем духе:

— Чувак, с такими талантами тебе прямая дорога в жиголо, а не на сцену с микрофоном.

И всё почему?

Да будем честны: пел Джош прескверно.

Природа обделила его выдающимися вокальными данными — голос у него был самый заурядный.

Пока он царил на сцене в одиночку, неискушенный слушатель мог и не заметить подвоха.

Но стоило ему запеть дуэтом с Джеймсом, как вся магия рассеивалась. На фоне соловьиного голоса Лемона вокал Джоша превращался в невнятный фоновый шум.

Не приглуши Джеймс намеренно свой вокал из чувства вины за субботнюю выходку, их совместные номера обернулись бы для лидера «Кенгуру» публичным унижением. Джеймс попросту стер бы его в порошок.

Конечно, списывать Джоша со счетов тоже не стоило.

Будь он пустым местом, продюсеры не раскошелились бы на организацию этих гастролей.

На самом деле «Кенгуру» ставили во главу угла эпатаж и визуальную картинку — они вовсю играли в глэм-рок.

И в искусстве приковывать к себе взгляды Джош со своими ребятами знали толк.

Чего стоил один только фронтмен.

Двигался он и впрямь божественно. Стоило его бесконечным ногам пуститься в пляс в такт бешеному ритму, как зал замороженно застывал, поддаваясь какому-то первобытному гипнотическому обаянию.

К тому же перед каждым выходом он накладывал тонны вызывающего грима: выбеливал лицо до мертвенной бледности, густо посыпал веки золотым глиттером и облачался в безумные сценические шмотки — усыпанные блестками обтягивающие трико и андрогинные блузы с пышными кружевными рукавами-буфами.

В таком прикиде он превращался в абсолютный центр вселенной — оторвать от него взгляд и посмотреть на кого-то другого было физически невозможно.

Джоша этот балаган ничуть не смущал. Напротив, он кайфовал от процесса, искренне считая безумный маскарад неотъемлемой частью своего творческого манифеста. Не сомневайтесь: если бы для пущего эффекта потребовалось устроить на сцене полноценный стриптиз, он скинул бы с себя последнее без малейших колебаний.

Поэтому на их выступлениях всегда царил форменный бедлам.

На фоне такого выверенного безумия хаотичные метания Джеймса по сцене казались детской забавой.

Становилось очевидно: не застань они «Кенгуру» врасплох в первый день и не подстроил Ланс ту маленькую диверсию с колонками, исход их негласной дуэли был бы далеко не предreshен.

В ту золотую эпоху, когда мир еще не был отравлен безлимитным интернетом и люди не успели пресытиться зрелищами, столь яростное и колоритное шоу произвело на молодых

парней из «Планеты» эффект разорвавшейся бомбы.

Австралийцы без прикрас показали им, какими должны быть настоящие рок-подмостки: это слепящий неоновый свет, первобытные танцы на грани экстаза и полное, абсолютное отсутствие рамок. Это была свобода в самом чистом ее проявлении.

Но не поймите превратно.

Это вовсе не значило, что «Планета» решила в одночасье отречься от собственного стиля и слепо копировать чужие ужимки.

Просто в их сознании укоренилась одна простая, но революционная мысль.

«А что, черт возьми, так тоже можно было?»

И эта мысль перевернула все их представления о сцене.

Что же до самого выступления?..

Да тут и говорить нечего: парни оторвались по полной программе.

Музыка вообще удивительная штука.

Когда из колонок бьет чистый, неразбавленный драйв, все условности повседневности летят к чертям. Здесь, в свете софитов, ты можешь кричать о том, о чем принято молчать, творить любое безумие и выпустить наружу своих самых темных демонов — и никто, абсолютно никто в зале не сочтет тебя сумасшедшим.

В воскресенье, на финальном шоу уикенда, на сцене началось чистое безумие, затмившее даже субботний угар.

Вокалисты, гитаристы, басисты и даже барабанщики, улучив свободную секунду, выскакивали в центр сцены, чтобы устроить дикую пляску. Музыканты обеих групп слились в единый беснующийся организм, а толпа внизу, позабыв обо всем на свете, уже даже не пыталась вслушиваться в слова песен. Мокрые от пота, с покрасневшими лицами, люди срывали глотки в диком экстазе, приплясывая на подкашивающихся ногах.

Однако под самый занавес случилось кое-что непредвиденное.

А началось все с того, что Джеймсу нежданно-негаданно перепал сольный номер.

Это была шутливая вещица об австралийских овечках, которую совсем недавно сочинил соло-гитарист «Кенгуру».

Шедевром на века она не являлась, но обладала на редкость приставучим мотивом и забавным текстом: во время припева вся группа должна была хором выводить дурашливое «бе-е-е».

Джош всегда воротил нос от этого детского лепета, но обижать своего гитариста категорическим отказом не хотел.

В итоге он не нашел ничего лучше, как сбавить песню Джеймсу — благородно рассудив, что юнцу подобная милота куда больше к лицу, а сам Джош пока переведет дух перед финальным разрывным номером, который должен был эффектно закрыть эти трехдневные гастроли.

Джеймс в те времена капризами не страдал: дай микрофон, а уж что петь — дело десятое.

Так что согласился он без лишних раздумий.

А уже через пять минут Джош готов был кусать локти.

Потому что то, во что Джеймс превратил эту невинную песенку... не поддавалось никакому описанию.

Вообще-то автор задумывал её как светлый гимн тоскующего по родине странника (гитарист «Кенгуру» в туре просто завыл от ностальгии). В исполнении Джоша она звучала добродушно и простовато — будто залихватская байка деревенского пастуха, который гонит отару на пастбище под палящим солнцем.

Однако Джеймс, повинаясь какому-то животному вокальному чутью, слегка сместил акценты, играючи изменил переходы и добавил в манеру исполнения такую тягучую, бархатную нежность, что песня мгновенно переродилась.

В конце концов, талантливые каверы частенько затыкают оригинал за пояс.

Но вся соль заключалась в контрасте. Когда этот ангелоподобный юноша стоял у микрофона и, устремив на толпу сияющий взгляд изумрудных глаз, с абсолютно невинным видом выводил строчки о том, как сладостно «гладить нежную шерстку овечки» и как горячо «щелкает пастуший кнут»... у публики побежали мурашки по коже.

Сам автор сего творения, гитарист австралийцев, застыл как изваяние, напрочь забыв, как переставлять пальцы на грифе.

Ему и в кошмарном сне не могло присниться, что его целомудренная баллада «Пастух» в

чужих устах превратится в столь порочное, источающее чистый соблазн откровение.

Спасло положение лишь феноменальное чутье Ланса.

Уловив заминку ошарашенного коллеги, он без единого лишнего жеста ударил по струнам своего «Телекастера», бесшовно перехватив ведущую партию.

Сыгранность между ним и Джеймсом граничила с телепатией: стоило голосу Лемона взмыть вверх, как гитарный аккомпанемент послушно уходил на задний план, создавая надежную опору; стоило вокалисту сделать паузу — и гитарное соло заполняло пространство бархатным, струящимся звуком.

Джеймс знал этот почерк слишком хорошо. Едва до его слуха долетел знакомый перебор, он тут же обернулся к Лансу и расплылся в сияющей улыбке.

Всполохи сценического света золотили его растрепанную шевелюру, по виску катилась крупная бисеринка пота, а в зеленых глазах плескался такой бешеный, искренний восторг, что перехватывало дыхание.

Ланс едва заметно качнул головой и, поддавшись моменту, мягко улыбнулся в ответ.

В этот раз Джеймс на удивление чинно стоял на одном месте, мертвой хваткой вцепившись в стойку микрофона. Он выводил заветное «овечка моя, овечка...» с такой щемящей нежностью и серьезностью, что у половины присутствующих в зале сладко заныло под ложечкой.

Когда на последней затухающей ноте он по привычке протянул ладонь к беснующемуся партеру и выдохнул в микрофон:

— Ну что, пора домой, моя овечка? — зал окончательно сошел с ума. Это прозвучало настолько двусмысленно и интимно, что фанаты, словно повинувшись гипнозу, лавиной хлынули к сцене.

Местная охрана поначалу честно пыталась держать оборону.

Однако против бушующего человеческого моря даже двухметровые шкафы-вышибалы оказались бессильны. Они бледнели на глазах, беспомощно пытаясь под напором обезумевшей толпы.

Сам виновник переполоха еще даже не успел сообразить, что натворил.

Зато третий калач Джош среагировал мгновенно. Изменившись в лице, он швырнул свой микрофон на пол, сгреб Джеймса в охапку поперек туловища и припустил к спасительному выходу в гримерку.

Джеймс, все еще судорожно сжимавший свой микрофон, недоуменно завопил на бегу:

— Да в чем дело-то?! У нас же еще один номер! Тебе еще петь!

— К черту песни! — на бегу пропыхтел Джош, прибавляя ходу. — Волки близко! Ты что, не видишь? Волки идут!

<http://bllate.org/book/19389/1973194>